

MIRA VANE

ТОКИЙСКОЕ
ИМЕНИЕ

Mira Vane

Токийское имяние

«Автор»

2026

Vane M.

Токийское имение / М. Vane — «Автор», 2026

В Токио в роскошном имении богатой тётушки Ханаэ случается трагедия: хозяйку находят мёртвой при загадочных обстоятельствах. Главная подозреваемая — её племянница Юкико, которая к тому же неожиданно становится наследницей всего состояния. Оказавшись в эпицентре семейных интриг и всеобщего недоверия, девушка пытается доказать свою невиновность. С помощью друга детства и частного детектива она раскрывает тёмные тайны семьи, исследует тайные ходы имения и сталкивается с опасной правдой. Параллельно Юкико оказывается в центре любовного треугольника. Сможет ли она найти убийцу, распутать клубок лжи и обрести счастье? «Токийское имение» — мрачный детектив с напряжённой интригой и чувственной романтической линией.

© Vane M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Mira Vane

Токийское имение

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Глава 1. Возвращение в Токио

Поезд Токайдо-синкансэн неся сквозь вечерний туман, рассекая пространство между Осакой и Токио со скоростью, от которой за окном сливались в единый пестрый поток огни пригородных станций, рисовые поля и силуэты фабрик. Юкико Танака сидела у окна, прижимая лбом прохладное стекло, и смотрела на проносящийся мимо мир, который казался ей чужим и далеким, хотя именно в этом мире она провела первые семнадцать лет своей жизни.

Ей было двадцать семь. Последние десять лет она провела в Осаке, где после университета устроилась работать реставратором в маленькой частной галерее, специализирующейся на традиционной японской живописи. Работа была тихой, кропотливой, требующей бесконечного терпения и тонкого чувства цвета. Юкико любила эту работу именно за то, что она не требовала от нее быть кем-то, кем она не была. Не требовала носить маски, улыбаться нужным людям, произносить нужные слова. В галерее она была просто Юкико, девушкой с тонкими пальцами и спокойным взглядом, которая умела возвращать к жизни вещи, казавшиеся навсегда утраченными.

Письмо от тётушки пришло три недели назад. Аккуратный белый конверт с тисненым золотом гербом семьи Танака, написанный от руки безупречным почерком, которому Ханаэ Танака обучалась в девичьей школе для благородных семей в годы, когда такие школы еще существовали. Письмо было кратким и несколько суховатым, в стиле тётушки, который Юкико помнила с детства. Ханаэ писала, что ей исполняется семьдесят пять лет, что она собирает семью в своем токийском имении и что будет рада видеть племянницу среди гостей. Не приказ, но и не просьба. Скорее уведомление, что Юкико ожидается.

Юкико долго колебалась. Отношения с тётушкой всегда были сложными. Ханаэ Танака, старшая сестра покойного отца Юкико, была женщиной formidable, как говорили о ней знакомые, используя французское слово, потому что ни японское, ни английское не передавало полностью масштаба ее характера. Она унаследовала от своего отца, деда Юкико, обширное состояние, включавшее недвижимость в Токио и Осаке, доли в нескольких корпорациях и коллекцию японского искусства, которая по оценкам экспертов стоила целое состояние сама по себе. Ханаэ приумножила наследство, вложив деньги в недвижимость в годы экономического бума, и к своим семидесяти пяти годам была одной из самых богатых женщин Японии, не принадлежа ни к какой публичной индустрии и не давая интервью.

Она была также женщиной с тяжелым характером, склонной к жестким суждениям, не терпящей возражений и привыкшей, что каждое ее слово воспринимается как закон в стенах ее дома. Юкико помнила детство, проведенное в тени тётушкиного имения, помнила ощущение постоянной тяжести, будто воздух в доме был плотнее обычного, будто каждый шаг по паркетным полам отзывался эхом, которое тётушка слышала и оценивала.

Отец Юкико, Рюдзи Танака, младший брат Ханаэ, был человеком совсем иного склада. Музыкант, мечтатель, неудачливый предприниматель, он рано ушел из семьи, оставив маленькую дочь на попечение старшей сестры, и отправился искать счастья в Европе. Он умер, когда Юкико было двенадцать, в маленьком городке на юге Франции, в нищете и неизвестности. Ханаэ забрала девочку в свой дом, вырастила, дала образование, но никогда не упускала случая напомнить, что ее отец был безответственным человеком, который бросил единственного ребенка ради иллюзий.

Мать Юкико умерла при родах. Это была одна из тех трагедий, которые в семье Танака обсуждали шепотом и только когда Ханаэ не могла слышать. Говорили, что Рюдзи так и не оправился от смерти жены и что именно это толкнуло его к бегству. Говорили также, что Ханаэ винила во всем брата и что эта вина, спрессованная годами, превратилась в жесткость, которую окружающие принимали за силу характера.

Юкико вышла из поезда на станции Токио и окунулась в вечерний город. Был конец октября, воздух был прохладным и прозрачным, пахло дождем, который должен был пойти к ночи. Она остановилась на платформе, adjusting ремень сумки на плече, и огляделась. Станция Токио вечером в пятницу была морем людей, текущих в разных направлениях, каждый погруженный в свой ритм, каждый со своим маршрутом. Юкико чувствовала себя камнем в этом море, неподвижным и чужеродным.

Такси она вызвала через приложение и пока ждала, смотрела на небо, где сквозь щели между небоскребами проступали звезды, бледные и далекие, будто тоже не решали приблизиться к этому городу из света и движения. Водитель, немолодой мужчина с коротко стриженными седыми волосами и лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, ввел адрес в навигатор и кивнул, не задавая вопросов.

Машина выехала со станции и влилась в поток вечернего Токио. Юкико смотрела в окно на город, который менялся на ее глазах. Здесь, в центре, все было новым, блестящим, стеклянным. Но по мере того как такси двигалось на запад, в сторону района Сэтагая, где располагалось имение тётушки, современность постепенно отступала. Появлялись старые кварталы с узкими улочками, маленькими храмами и домами, за которыми угадывались сады, скрытые от посторонних глаз высокими стенами.

Имение Ханаэ Танака располагалось на участке земли, который казался неправдоподобно огромным для Токио. Полтора гектара земли в одном из самых дорогих районов города, окруженные каменной стеной высотой в три метра, за которой скрывался сад, спроектированный в начале прошлого века известным мастером японского садового искусства. Главный дом был построен в стиле, который сочетал элементы традиционной японской архитектуры и западного особняка, что было модно среди богатых японских семей начала двадцатого века. Двухэтажное здание с широкой верандой, выходящей в сад, с черепичной крышей и деревянными фронтонами, резными вручную.

Такси остановилось у ворот. Ворот было двое: большие, двустворчатые, из темного дерева с железными петлями, для машин, и маленькая калитка сбоку, для пешеходов. У больших ворот стоял мужчина в темном костюме, который, увидев такси, подошел и открыл дверь машины. Это был Кобаяси, управляющий имением, который служил у Ханаэ столько, сколько Юкико себя помнила. Ему было под семьдесят, но он оставался прямым и собранным, с лицом, на котором ничего нельзя было прочитать.

Добро пожаловать, госпожа Юкико. Хозяйка ожидает вас.

Юкико вышла из машины, взяла свою сумку и прошла через калитку в сад. Дорожка к дому была освещена каменными фонарями, расставленными по краю, и Юкико вдруг почувствовала, как ее тело вспомнило этот путь раньше, чем разум. Ноги знали, где повернуть, где дорожка сужается, где нужно пройти под нависшей веткой старой сакуры, которую посадил еще дед. Сад был вечным, неизменным, будто время здесь текло по другим законам, медленнее и тише, чем в городе за стеной.

Внутри дом пах так же, как двадцать лет назад. Запах старого дерева, воска, которым натирали полы, и тонкий аромат благовоний, которые тётушка жгла в маленькой бронзовой курильнице в прихожей. Юкико сняла обувь, надела предложенные Кобаяси тапочки и прошла по коридору к главной гостиной, где, как она знала, тётушка принимала гостей.

Ханаэ Танака сидела в кресле у камина, в котором горел настоящий огонь, несмотря на то что вечер был не настолько холоден, чтобы это было необходимо. Она была маленькой,

сухощавой, с прямую спиной и белыми волосами, собранными в тугой узел на затылке. Лицо ее было покрыто морщинами, но глаза, темные и острые, были живыми и пронзительными, как у птицы. Она была одета в кимоно из темно-синего шелка с серебристым узором хризантем, и Юкико подумала, что в молодости тётушка, должно быть, была очень красива.

Юкико. Ты приехала.

Это не было вопросом и не было радостным восклицанием. Просто констатация факта. Юкико подошла, поклонилась, и тётушка протянула ей руку, которую Юкико осторожно сжала. Рука была сухой и прохладной, но хватка в ней оставалась сильной.

С днем рождения, тётушка.

Ханаэ кивнула и указала на кресло напротив. Юкико села. В каменном камине потрескивали поленья, и этот звук был единственным, что нарушало тишину.

Ты похудела. Осака не кормит тебя или ты просто не ешь?

Я ем, тётушка. Просто много работаю.

Ханаэ посмотрела на нее долгим взглядом, в котором Юкико не могла прочесть ничего, кроме, может быть, легкого неудовольствия, которое было обычным состоянием тётушки по отношению ко всему миру.

Остальные приедут завтра. Исао с семьей прилетают из Саппоро. Томоко и ее муж приедут утром. Ты первая. Я хотела поговорить с тобой наедине, до того как здесь появится вся эта толпа.

Юкико почувствовала в словах тётушки нечто, чего не могла определить. Не тревогу, потому что Ханаэ Танака не была женщиной, которая тревожится. Но какую-то тяжесть, будто она несла что-то, что хотела передать.

О чем вы хотели поговорить?

Ханаэ помолчала. За окном в саду ветер шевелил ветви сакуры, и тени листьев метались по стене гостиной, как тени рыб по дну реки.

Я старая, Юкико. Старость приходит не тогда, когда тело отказывает, а когда начинаешь видеть вещи, которые раньше не замечала. Я начинаю видеть вещи в этом доме, которые мне не нравятся.

Тётушка, что вы имеете в виду?

Ничего конкретного. Пока. Просто помни, что я хотела поговорить с тобой первой, до остальных. И помни, что в этом доме не все так, как кажется.

Ханаэ улыбнулась, и улыбка была неожиданно мягкой, почти нежной, будто на секунду сквозь броню проступила другая женщина, которую Юкико никогда не знала. Но секунда прошла, и тётушка снова была собой, собранной и непроницаемой.

Кобаяси проводит тебя в твою комнату. Отдыхай. Завтра будет длинный день.

Юкико поднялась, снова поклонилась и вышла. В коридоре ее ждал Кобаяси с фонарем в руке, хотя коридор был хорошо освещен. Он провел ее мимо комнаты, где она жила девочкой, на второй этаж, в гостевую комнату, которая выходила окнами в сад.

Комната была приготовлена с той безупречной аккуратностью, которую Юкико помнила по детству. Футон расстелен на татами, свежие полотенца сложены стопкой, на маленьком столике стояла ваза с одной веткой клена, листья которого были еще зелеными с красными краями, будто осень тронула их осторожно, пробуя.

Юкико переоделась, легла и долго смотрела в потолок, прислушиваясь к звукам старого дома. Дерево поскрипывало, где-то капала вода, ветер пел в щелях под крышей. Она думала о словах тётушки, о том, что в этом доме не все так, как кажется. Что Ханаэ хотела ей сказать и не смогла или не успела?

Сон пришел неожиданно, глубокий и темный, без снов.

Глава 2. Имение

Утро наступило серым и тихим. Юкико проснулась от звука дождя, который стучал по крыше ровно и монотонно, как метроном. Она лежала несколько минут, не открывая глаз, и слушала дом. Старые дома живут своей жизнью, дышат и шевелятся, и этот дом был особенно живучим, потому что простоял уже больше ста лет и пережил землетрясения, войны и смену эпох, которые уничтожили многое вокруг него.

Она умылась, оделась в простое серое платье, которое выбрала как не привлекающее внимания, и спустилась вниз. В столовой, большой комнате с длинным столом из темного ореха, Кобаяси уже накрывал завтрак на одного. На столе стоял рис, мисо-суп, маринованные овощи, рыба на гриле и зеленый чай. Юкико села и стала есть, глядя в окно на сад, который под дождем казался акварелью, размытой и печальной.

Сад был создан в 1923 году, сразу после великого землетрясения Канто, старым мастером по имени Кэнъитиро, о котором в семье Танака говорили с тем особым почтением, которое reserved для людей, создавших нечто, пережившее их создателя. Сад был спроектирован в стиле дзэн, с прудом, островком, каменными фонарями и тщательно выверенными группами деревьев, которые создавали иллюзию глубины и расстояния, хотя сад был не так уж велик. Ханаэ поддерживала его в идеальном состоянии, нанимая садовника, который приходил три раза в неделю и работал с тем же терпением и точностью, с каким Юкико реставрировала картины.

Кобаяси, а кто еще из прислуги сейчас в доме?

Управляющий поставил чайник и выпрямился, сложив руки перед собой.

Кроме меня, госпожа Юкико, в доме находятся повариха госпожа Иноуэ и горничная госпожа Симидзу. Садовник господин Ямада приходит днем. По случаю праздника наняты также два официанта из агентства, которые будут обслуживать гостей во время ужина.

Спасибо, Кобаяси.

Управляющий кивнул и вышел бесшумно, как умел только он. Юкико допила чай и пошла бродить по дому. Она не была здесь почти пять лет и чувствовала потребность снова пройти по комнатам, тронуть вещи, вспомнить.

Дом был построен в 1908 году прадедом Юкико, Дайсукэ Танака, который разбогател на торговле шелком и решил построить себе residence, достойную его нового статуса. Он пригласил архитектора, который учился в Англии и Японии одновременно, и тот создал нечто, что было одновременно и японским, и западным, и ни тем, ни другим. Первый этаж был спланирован по западному образцу, с просторной гостиной, столовой, кабинетом и библиотекой, а второй этаж, более интимный, был разделен на традиционные японские комнаты с татами и раздвижными перегородками.

Юкико прошла через гостиную, где вчера разговаривала с тётушкой. Утром комната выглядела иначе, без огня в камине, с серым светом из окон, который делал ее холодной и пустой. На стенах висели картины из коллекции тётушки, и Юкико остановилась перед одной из них, свитком эпохи Эдо, изображавшим цаплю на заснеженной ветви. Она помнила эту картину с детства, помнила, как тётушка рассказывала ей о технике суми-э, о том, как каждый штрих тушью должен быть одновременно точным и свободным, и как Юкико, глядя на цаплю, впервые поняла, что искусство способно передать не только форму, но и настроение, и даже звук.

Из гостиной она прошла в библиотеку. Это была комната, которую Юкико любила больше всех в доме. Две стены от пола до потолка были заняты книжными полками из темного дерева, а у окна стояло массивное дубовое кресло с подголовником, в котором прадед любил читать по вечерам. Книги были на трех языках: японском, английском и французском, и охватывали темы от истории и философии до ботаники и астрономии. Юкико провела пальцами по корешкам и почувствовала знакомый запах старой кожи и пыли, который был для нее запахом детства, безопасности и тишины.

Из библиотеки она вышла в кабинет тётушки, маленькую комнату без окон, освещенную только настольной лампой. Здесь Ханаэ вела свои дела, и Юкико помнила, что входить сюда без приглашения было запрещено. Сегодня дверь была приоткрыта, и Юкико заглянула внутрь. Письменный стол из красного дерева, заваленный бумагами, старый сейф в углу, на стене фотография молодого Дайсукэ в фукуроку, традиционной одежде торговца шелком, серьезного и некрасивого мужчины с глазами, которые смотрели в будущее с расчетом и без иллюзий.

Юкико не стала заходить. Она закрыла дверь и поднялась на второй этаж, где когда-то жила. Ее старая комната была превращена в гостевую, и от прошлого в ней не осталось ничего, кроме вида из окна на сад и на старую сакуру, которую посадил Дайсукэ в год постройки дома и которая теперь была огромным, раскидистым деревом, чья крона осенью становилась багряной, как закатное небо.

Она стояла у окна и смотрела на сад, когда услышала внизу голоса. Приехали первые гости.

Глава 3. Семья

Первой приехала Томоко, двоюродная сестра Юкико, дочь Исао Танака, младшего брата покойного отца Юкико и, следовательно, племянника Ханаэ. Томоко было тридцать два года, и она была женщиной, которую Юкико всегда находила одновременно красивой и отталкивающей. Красивой, потому что природа дала ей тонкие черты, большие глаза и фигуру, которая в правильной одежде выглядела безупречно. Отталкивающей, потому что за этой красотой скрывался характер, который Юкико могла описать одним словом: алчный.

Томоко вышла замуж за Кэндзи Аояма, банкира из уважаемой, но не богатой семьи, и брак этот был явно расчетливым с обеих сторон. Кэндзи получал доступ к связям семьи Танака, а Томоко получала мужа со стабильным доходом и положением в обществе. Они жили в квартире в Роппонги, дорогой и безвкусной, и проводили время, чередуя светские мероприятия и ссоры, которые, по слухам, были их основным способом общения.

Томоко вошла в дом так, будто он принадлежал ей, громко разговаривая с Кобаяси, давая ему указания, которые он выслушивал с непроницаемым лицом и не выполнял. За ней шел Кэндзи, высокий мужчина с мягким лицом и неуверенной улыбкой, который всегда казался Юкико человеком, попавшим на чужую вечеринку и не знающим, как уйти.

Юкико! Дорогая, сколько лет!

Томоко обняла ее, и Юкико почувствовала запах дорогих духов, слишком сладкий и настойчивый. Объятие было крепким, но глаза Томоко скользили по Юкико оценивающе, оценивая платье, причёску, состояние кожи, сравнивая.

Томоко, рада тебя видеть.

Правда рада? Я думала, ты вообще не приедешь. Ты ведь никогда не приезжаешь.

Юкико не ответила. Томоко была из тех людей, чьи слова не стоило ловить, потому что они были брошены не для разговора, а для того, чтобы заполнить пространство и установить доминацию.

Кэндзи поклонился и улыбнулся своей неуверенной улыбкой. Он был тих и предупредителен, и Юкико всегда задавалась вопросом, что он думает на самом деле, когда молчит, что бывает почти всегда.

Дальше приехал Исао Танака с женой Мидори. Исао был братом покойного Рюдзи и, следовательно, дядей Юкико. Ему было шестьдесят три года, и он был человеком, который всю жизнь прожил в тени старшей сестры, не имея ни ее ума, ни ее силы, ни, что самое главное, ее денег. Исао управлял небольшой торговой компанией в Саппоро, которая едва сводила концы с концами, и каждый раз, когда он приезжал в токийское имение, в его присутствии чувствовалась смесь почтения и затаенной обиды, которую Юкико находила удручающей.

Мидори, его жена, была женщиной совершенно иного склада. Маленькая, кругленькая, с вечно улыбающимся лицом и манерами, которые были одновременно лстивыми и искрен-

ними, она принадлежала к тому типу людей, которые делают жизнь вокруг себя мягче и теплее, даже если эта теплота наносная. Мидори обняла Юкико и сказала, что та похудела и что нужно лучше есть, что Юкико уже слышала от тётушки и что, видимо, было семейным диагнозом.

К полудню дом наполнился голосами, шагами и запахом готовящейся еды из кухни, где госпожа Иноуэ, повариха, которая служила у Ханаэ двадцать лет, готовила праздничный ужин. Запах жарящегося мяса, варящегося бульона и свежее испеченного хлеба смешивался с запахом старого дома и создавал атмосферу, которая была одновременно домашней и тревожной, потому что в присутствии всех этих родственников Юкико чувствовала напряжение, которое не могла объяснить.

Ханаэ появилась к обеду, одетая в черное кимоно с белым узором, торжественное и строгое. Она села во главе стола и смотрела на собравшихся с выражением, которое Юкико снова не могла прочесть. Обед был формальным, с разговорами на нейтральные темы: погода, политика, последние новости. Но под этим нейтральным слоем Юкико чувствовала течение, которое было не спокойным. Взгляды, которые бросали родственники друг на друга и на тётушку, были полны значений, которые она не могла расшифровать.

Исао говорил о своих делах в Саппоро с той фальшивой бодростью, которая бывает у людей, которые знают, что их дела идут плохо, но не хотят, чтобы об этом знали другие. Томоко рассказывала о вечеринке, на которой недавно была, с тем особым удовольствием, которое она находила в описании роскоши, которая была не ее собственной. Кэндзи молчал и ел. Мидори улыбалась и подкладывала мужу добавку.

Ханаэ не говорила почти ничего. Она ела мало, пила сакэ и смотрела. Юкико, сидевшая рядом с ней, чувствовала, что тётушка наблюдает за всеми, и в ее молчании есть нечто, что выходит за рамки обычной сдержанности.

После обеда Юкико вышла в сад, чтобы побыть одной. Дождь прекратился, и сад был влажным и блестящим, каждый листок, каждый камень, каждый фонарь покрыты тонкой пленкой воды, которая делала их ярче и четче, будто сад был увеличенной фотографией самого себя. Она шла по каменной дорожке к пруду, когда услышала шаги за спиной.

Это был Кэндзи, зять, который вышел следом за ней и теперь стоял, не зная, куда деть руки.

Госпожа Юкико, можно спросить?

Конечно.

Вы давно не были здесь. Вы не замечали... изменений в тётушке?

Юкико посмотрела на него. Его лицо, обычно мягкое и неуверенное, было сейчас серьезным, почти напряженным.

Каких изменений?

Не знаю, как сказать. Она стала другой в последние месяцы. Томоко говорит, что тётушка стала забывчивой. Но я думаю, что это не забывчивость. Она стала... озабоченной. Как будто что-то ее беспокоит.

Вы знаете, что ее беспокоит?

Кэндзи покачал головой.

Нет. Но я знаю, что она недавно меняла завещание. Полтора месяца назад к ней приезжал нотариус. Томоко не знает, но я видел, как он входил и выходил.

Он замолчал, будто сказал слишком много, и быстро кивнул.

Прошу прощения. Мне не следовало говорить.

Он ушел, и Юкико осталась у пруда, глядя на карпов, которые двигались под поверхностью воды медленными кругами, создавая рябь, которая расходилась и исчезала. В голове у нее было пусто и одновременно слишком полно, как бывает, когда чувствуешь, что стоишь на пороге чего-то, чего не можешь увидеть, но что приближается.

Глава 4. Праздник

Вечер наступил. Дом загорелся огнями, которые Кобаяси зажег во всех комнатах, так что имение стало похожим на корабль в темноте, яркий и одинокий в море ночного сада. Официанты в белых рубашках расставляли бокалы и тарелки в большой гостиной, где должен был проходить ужин. Госпожа Иноуэ выкладывала на блюда свое искусство: сашими из фугу, которое мог готовить только лицензированный повар, и госпожа Иноуэ была таковым; темпура из сезонных овощей; суши с синим тунцом, мясо которого было таким красным и свежим, что казалось живым; жаркое из вагю, мраморная говядина, которую Ханаэ заказывала специально из Кобе.

Ханаэ спустилась к гостям в семь вечера. Она была одета в кимоно из белого шелка с золотыми журавлями, кимоно, которое было старинным и которое, как знала Юкико, было частью приданого ее матери, женщины, которую Юкико никогда не знала, но о которой тётушка иногда говорила с неожиданной нежностью. Ханаэ выглядела величественно и спокойно, и Юкико, глядя на нее, подумала, что тётушка в этот вечер похожа на императрицу, которая собирает двор в последний раз, зная то, чего не знают ее подданные.

Ужин начался формально, с тоста, который Исао произнес с тем напускным воодушевлением, которое было ему свойственно. Он говорил о тётушке как о столпе семьи, о ее мудрости и щедрости, и Юкико слушала, чувствуя фальшь в каждом слове, не потому что Исао неискренен, а потому что он был из тех людей, чья искренность всегда звучит как ложь.

Ханаэ приняла тост молча, кивнув, и подняла бокал с сакэ к губам, но не пила. Она смотрела на каждого из собравшихся, и Юкико снова почувствовала, что тётушка видит то, чего не видит она. Томоко сидела прямо, с идеально прямой спиной, и ее лицо было маской вежливости, под которой Юкико угадывала нетерпение. Кэндзи ел и молчал. Мидори улыбалась. Исао говорил.

После главного блюда Ханаэ встала, и в комнате стало тихо.

Я хочу сказать вам кое-что. Не сегодня. Завтра утром я соберу вас всех и скажу то, что должна сказать. А сейчас давайте выпьем за мой день рождения. За семьдесят пять лет, которые были не такими легкими, как может показаться, но которые я не променяла бы ни на какие другие.

Она подняла бокал, и остальные подняли свои. Юкико выпила, и сакэ было теплым и мягким, с легким фруктовым привкусом, и на секунду она почувствовала тепло, которое распространилось по телу и расслабило напряжение, которое она носила в себе с момента приезда.

Ужин продолжался. Разговор стал свободнее, сакэ лилось, и атмосфера немного разрядилась. Томоко рассказала историю о недавней поездке на Окинаву, которая была смешной и в которой ее муж был объектом добродушных насмешек. Мидори описывала сад в Саппоро, который она разбила возле дома, с тем энтузиазмом, который был ей свойственен. Исао говорил о хоккее, котором увлекся в последние годы, и это было так неожиданно от него, что Юкико едва не рассмеялась.

В десять вечера Ханаэ поднялась и сказала, что устала и что хочет отдохнуть. Она попрощалась с каждым, и Юкико заметила, что с ней тётушка задержалась дольше, чем с другими, и посмотрела на нее с тем выражением, которое видела вчера и которое она теперь определяла как что-то между предупреждением и прощанием.

Покойной ночи, Юкико.

Покойной ночи, тётушка.

Ханаэ вышла, и Кобаяси пошел за ней, неся фонарь, хотя коридор был освещен. Юкико смотрела им вслед и думала, что в этом жесте, в этом фонаре, который был не нужен, было что-то старомодное и трогательное, будто дом жил по правилам, которые были написаны сто лет назад и которые никто не собирался менять.

Остальные разошлись к полуночи. Юкико поднялась в свою комнату, переоделась и легла, но сон не приходил. Она лежала и слушала дом, который теперь был полон людей, и его

звуки были другими, не такими, как ночью, когда она была одна. Где-то наверху скрипнула половица, и Юкико подумала, что это тётушка идет к себе, но потом поняла, что шаги идут в другом направлении, вниз, к первому этажу. Она прислушалась, но звук не повторился.

Она уснула, и ей снилось, что она снова девочка и что тётушка ведет ее по саду, показывая деревья и камни, и говорит: запомни, Юкико, запомни, где что находится, потому что однажды тебе придется найти это в темноте.

Глава 5. Утро, которое все изменило

Юкико проснулась от крика. Не от резкого, пронзительного крика, а от долгого, тягучего, который звучал как стон, повторенный и усиленный стенами старого дома. Она села на футоне, не понимая, спит или нет, и услышала второй крик, уже другой, выше и острее, и топот ног по коридору.

Она вскочила, накинула халат и выбежала из комнаты. В коридоре было уже светло, утренний свет через окно в конце коридора заливал пол полосой золота, и в этом свете Юкико увидела Мидори, которая стояла у двери комнаты тётушки и кричала, прижимая руки к лицу. Исао стоял рядом, бледный и трясущийся. Кобаяси был в комнате, и Юкико увидела через его плечо, на пороге, то, что изменило все.

Ханаэ Танака лежала на полу своей спальни, на спине, в белом кимоно, в котором была вчера вечером. Глаза ее были открыты и смотрели в потолок с выражением, которое Юкико не могла описать, потому что оно было одновременно спокойным и удивленным, будто тётушка увидела что-то, чего не ожидала. Рот был слегка приоткрыт. Лицо было спокойным, без следов боли или борьбы.

Но было что-то еще. На шее Ханаэ, тонкой и белой, был след. Тонкая красная полоса, как нить, которая проходила под подбородком и уходила за шею. И в комнате пахло чем-то сладким, что Юкико не могла определить, но что было чужим, не принадлежащим этому дому.

Кобаяси стоял на коленях рядом с телом, и его лицо, обычно непроницаемое, было серым. Он не трогал тело, и Юкико поняла почему: он понимал, что перед ним не просто смерть, а нечто, требующее investigation.

Кобаяси, вы вызвали полицию?

Да, госпожа Юкико. Я вызвал немедленно, как только обнаружил.

Вы обнаружили?

Я пришел утром, как обычно, чтобы принести хозяйке чай. Дверь была не заперта. Хозяйка лежала так, как вы видите. Я не трогал ничего.

Юкико подошла ближе, и комната закружилась, но она удержалась, потому что должна была удержаться. Она смотрела на тётушку, на ее открытые глаза, на тонкую красную линию на шее, и думала, что это не может быть правдой, что тётушка, которая была сильнее всех, кого она знала, не может лежать так, неподвижно и тихо, побежденная чем-то, что пришло ночью.

Томоко появилась в дверях, и ее лицо было таким, какого Юкико никогда не видела: бледное, с глазами, которые метались от тела к лицу Юкико и обратно, и в этих глазах было что-то, что Юкико узнала не сразу, потому что не хотела узнавать. Подозрение.

Через двадцать минут приехала полиция. Два детектива в штатском и несколько униформенных полицейских, которые сразу занялись домом, закрыв входы и выходы, опрашивая прислугу и гостей. Старший детектив, мужчина лет сорока пяти с короткой стрижкой и лицом, вырубленным из гранита, представился как инспектор Нарусэ из токийской полиции. Он осмотрел тело, дал указания криминалистам, которые прибыли следом, и затем прошел в гостиную, где собрал всех обитателей дома.

Юкико сидела в гостиной и чувствовала, как взгляд инспектора задерживается на ней дольше, чем на других. Она не понимала почему, но чувствовала это, как чувствуют на себе чужой взгляд в темноте, не видя, но зная.

Инспектор Нарусэ говорил спокойно и четко. Ханаэ Танака была найдена мертвой в своей спальне в шесть тридцать утра. Причина смерти будет установлена после вскрытия, но предварительный осмотр указывает на удушение. На шее покойной обнаружен след от тонкого шнура или веревки. Орудие убийства на месте не найдено. Дверь спальни была не заперта. Окно было закрыто изнутри. В комнате не было следов борьбы.

Никто из присутствующих не должен покидать имение до особого распоряжения, сказал инспектор. Мне нужно будет поговорить с каждым из вас отдельно. Пожалуйста, будьте доступны.

Когда инспектор начал опрос, Юкико ждала своей очереди и не могла отделаться от ощущения, что стены дома, который всегда был крепостью, теперь стали клеткой. Она смотрела на родственников, которые сидели в гостиной и избегали смотреть друг на друга, и думала о том, что кто-то из них, может быть, сделал это. Кто-то, кто сидел за одним столом с тётушкой вчера вечером, кто-то, кто ел ее еду и пил ее сакэ, кто-то, кто пожелал ей спокойной ночи.

Когда инспектор вызвал Юкико, она прошла в кабинет, который был превращен во временную комнату допросов. Нарусэ сидел за столом тётушки, и это было странным и неприятным, потому что за этим столом должна была сидеть Ханаэ, а не этот человек с гранитным лицом.

Ваше имя, возраст, род занятий.

Юкико Танака, двадцать семь лет, реставратор живописи, галерея в Осаке.

Вы приехали вчера из Осаки?

Да, послеобеденным синкансэнном.

Во сколько вы прибыли в имение?

Около семи вечера.

Когда вы последний раз видели госпожу Ханаэ Танака живой?

Около десяти вечера. Она спустилась к гостям на ужин и ушла отдыхать около десяти. Она попрощалась со мной у лестницы.

Вы заметили что-нибудь необычное в ее поведении?

Юкико замолчала. Вспомнила слова тётушки о том, что в доме не все так, как кажется. Вспомнила ее взгляд, который был прощанием. Но сказала ли она это инспектору?

Она была задумчива. Более тихая, чем обычно. Но тётушка вообще была тихим человеком.

Вы спали в комнате на втором этаже?

Да, в гостевой комнате.

Вы слышали что-нибудь ночью?

Шаги. В коридоре. Но я не могу сказать точно, когда. Может, после полуночи. Я думала, что это тётушка.

То есть вы не можете сказать, где находились и что делали между полуночью и шестью тридцатью утра?

Я спала в своей комнате. Одна.

Может ли кто-то подтвердить?

Нет.

Юкико почувствовала, как эти два коротких слова повисли в воздухе, тяжелые и опасные, как лезвия.

Инспектор кивнул, сделал пометку и продолжил.

Вы знали, что госпожа Ханаэ Танака недавно изменила завещание?

Нет. Я ничего не знала о завещании тётушки.

Узнаете завтра, сказал инспектор, и в его голосе было что-то, что Юкико не понравилось. Что-то, что звучало как предупреждение.

Юкико вернулась в гостиную с ощущением, которое было подобно тошноте, но исходило не из тела, а из головы, из понимания, что инспектор видит в ней не просто племянницу покойной, а нечто большее. Подозреваемую.

Глава 6. Завещание

Оглашение завещания состоялось через три дня после похорон, которые прошли в узком кругу семьи, без помпы и без лишних людей, как завещала сама Ханаэ. Похороны были буддийскими, в храме недалеко от имения, и Юкико стояла перед алтарем, глядя на фотографию тётушки, черно-белую, сделанную лет двадцать назад, на которой Ханаэ была такой, какой Юкико хотела бы ее помнить: прямой, сильной, с тем выражением в глазах, которое говорило, что она видит мир насквозь и не боится того, что видит.

Нотариус, господин Окада, приехал в имение утром, в день, назначенный для оглашения. Это был немолодой мужчина с аккуратными манерами и портфелем из черной кожи, который он носил с той тщательностью, с какой носят дипломаты с государственными тайнами. Он собрал всех в библиотеке, где когда-то прадед читал по вечерам, и сел за стол, разложив бумаги.

Присутствовали Юкико, Исао с Мидори, Томоко с Кэндзи и Кобаяси, который, хотя и не был родственником, был включен в список наследников по просьбе Ханаэ. В углу стоял инспектор Нарусэ, который, как поняла Юкико, присутствовал не как приглашенный гость, а как наблюдатель, и его присутствие делало и без того тяжелую атмосферу почти невыносимой.

Нотариус откашлялся и начал читать. Завещание было составлено полтора месяца назад, что подтверждало слова Кэндзи. До этого, сказал нотариус, существовало другое завещание, составленное пять лет назад, по которому состояние делилось между наследниками в определенных пропорциях. Новое завещание отменяло старое полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.